

Summary

Image of the city in novels by V. Drozd is analysed in article. The main particularities of the image of the city is in novel "Show", "Ubivstvo for one hundred thousand american dolars" and "Vovkulaka" is determined.

Keywords: novel, interpretation, image, city.

УДК 371.035.3.

Соколовская Г.Н.,
кандидат исторических наук,
Одесская государственная академия строительства и архитектуры

ОБРАЗ ОДЕССЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К. ПАУСТОВСКОГО

Цель статьи проследить процесс формирования образа Одессы в творчестве К.Г. Паустовского на протяжении его жизни, показать особенности восприятия города в разные периоды его развития. **Источниками исследования** послужили романы и повести писателя, а также его письма.

О творчестве Паустовского накоплена широкая библиография, однако изучением его "городских текстов" занимались немногие авторы. Что касается проблемы отражения Одессы в наследии писателя, то большинство работ по этой тематике носит публицистический характер [2, 3]. Исключением является исследование Н.А. Брыгина, в котором проведено тщательное сопоставление реальной биографии К. Паустовского с отображением ее в автобиографических книгах [1].

Новизна данной публикации заключается в том, чтобы выяснить, как менялся художественный образ Одессы в различных исторических, политических условиях, даже в разные времена года. Не претендуя на полноту исследования, автор статьи стремился показать разноликий образ Одессы, созданный К. Паустовским в его литературном и эпистолярном наследии.

Сразу отметим, что К. Паустовский относится к тем писателям, для которых географический фактор, обстановка, в которой протекает действие романа или повести, являются очень важными, иногда определяющими. Писатель С. Гехт однажды точно подметил, что все рассказы молодого Паустовского – "сплошная история с географией" [8, 523].

Размышляя о секретах писательского труда, Паустовский подчеркивал, что сюжет и литературные персонажи получаются плоскими и неинтересными, если изображаются вне конкретного места действия, без внимания к деталям обстановки, в которой разворачивается действие. Он стремился, чтобы произведение воздействовало на все органы чувств читателя. Этому секрету он учился у своих друзей, коллег в Одессе, когда шел процесс становления его писательского таланта. В частности, он восхищался очерками С. Гефта, которые, по словам И. Бабеля, "пахли морем, акацией, бахчами". Читатели очерков "осязали на своем лице дыхание морских ветров", "чувствовали вкус зеленоватой едкой

брынзы”, “видели все со стереоскопической выпуклостью” и “слышали острый певучий береговой говор ничему не удивляющихся, но любопытных южан” [8, 419]. Паустовский оказался хорошим учеником. Образы, созданные им, в том числе образ Одессы, воздействуют на читателя всесторонне, оказывая неисповедимо магическое воздействие.

Прежде, чем говорить об Одессе, заметим, что для Паустовского каждый город был личностью. У него даже существовала своеобразная классификация городов: “Бывают города-труженики, города-коммерсанты, города-ханжи, города-музеи, города-венценосцы. И бывают, наконец, города-авантюристы” [5, 142]. В этой классификации Одесса названа негоциантом, хотя, как мы увидим далее, Паустовский, подобно другим одесским авторам, видел в ней и черты авантюриста.

О том, какое место в жизни писателя занимала Одесса, говорят все его книги, рассказывают его письма.

Одесская биография Паустовского очень обширна. Он неоднократно бывал в Одессе, подолгу жил и в мирные времена, и в самые тяжелые периоды “голода, пайков и диких зимних ночей”. Каждое пребывание оставляло свой незабываемый след в душе писателя и в его творчестве.

Впервые Паустовский побывал в Одессе вместе с отцом, будучи еще подростком. Тогда произошла его первая встреча с морем, которое станет неотъемлемой частью образа Одессы. Позже он так описал эту встречу: “Десятилетним мальчиком я впервые увидел Черное море в Одессе. Оно показалось мне прохладной синей тучей. Живая синева шумела у берегов из красной раскаленной глины, качала паруса и ржавые пароходы” [14, 288]. Упоминания об Одессе появляются уже в ранних письмах писателя. Для него это был, прежде всего, город у моря.

Паустовский настолько любил море и Одессу, что даже планировал стать моряком. Из его писем узнаем, что он собирался приехать в Одессу сдавать экзамены на штурмана дальнего плавания. Спустя пол века Паустовский признавался, что именно в Одессе им завладела мысль о том, чтобы провести всю жизнь в странствиях и с ощущением постоянной новизны, чтобы написать об этом много книг [9, 688].

Одесса стала для Паустовского городом первой любви. Образ любимой и образ южного города, овеянного морскими ветрами, слились для него воедино. В письме к Е. Загорской, будущей жене, он писал: “Когда я напрягаю память, мне смутно видится широкая знойная улица, ночь, прозрачная бесконечность огней, шелест листвы каштанов на сонной улице, где разлита чуткая тишина, какая-то особенная тишина звезд. И я знаю, что где-то здесь близко-близко дышит море. Весна прильнула к морю. И в шелесте деревьев, в теплых ветрах, в шуме ночного моря, во всем я чувствую твою близость, я вижу твои глаза. Неуловимый сон, что-то, что было и чего не было. Может быть образы Одессы” [11, 16–17].

Как видим, в годы юности и молодости Паустовский воспринимал Одессу как некий неуловимый прекрасный сон, мечту.

Этот расплывчатый вначале образ начинал обрастать деталями, характерными для южного города-порта. Дореволюционная Одесса в глазах будущего писателя “крутилась целые сутки как карусель”. “Все скакало перед глазами: пароходы, Уточкины, шикарные женщины, фраеры, капитаны, налетчики, итальянские примадонны, знаменитые доктора и скрипачи” [7, 347]. Перечень разношерстной одесской публики того времени свидетельствует о том, что для Паустовского образ города был немыслим без его жителей. В романе “Черное море”, сравнивая Одессу с Левантом, он также отмечает невообразимое смешение люда: “Теплые ветры с Босфора, бывшие греческие контрабандисты и негоцианты из Пирея. Итальянцы – гарибальдийцы, капитаны и портовые грузчики – банабаки. Богатство всех стран, влияние Франции, гетто на Молдаванке, бандиты, ценившие, прежде всего, остроумие, седоусые рабочие с Пересыпи, итальянская опера, воспоминания о Пушкине, акации, желтый камень, цветы, любовь к анекдоту и страшное любопытство к каждой мелочи. Все это – Одесса” [15, 101]. Паустовского поражал своей мощью рабочий люд портового города-биндюжники, или портовые грузчики, “которые привыкли завтракать каждый день фунтом сала, “жменей” маслин и пол бутылкой водки”.

Воспоминания о дореволюционной Одессе явились благодатным материалом для создания автобиографической повести “Беспокойная юность”, в которой содержатся красочные зарисовки Молдаванки, Малого Фонтана, Карантинной гавани, Одесских базаров с их неповторимыми обитателями [12].

После окончания первой мировой войны Паустовский мечтал вернуться в Одессу, чтобы работать, но надолго приехать удалось лишь в 1919 году. Сюда он бежал из Киева от деникинской мобилизации. Этот одесский период, длившийся до января 1922 года, лег в основу автобиографической повести “Время больших ожиданий” [6].

В этой книге он описывает Одессу времен гражданской войны, интервенции, блокады, когда власти менялись невероятно быстро. Романтический благословенный образ города все больше приобретает реальные, порой жесткие, даже натуралистические черты, обусловленные исторической эпохой.

Вот какой он увидел Одессу в феврале 1920 года, после отступления войск Деникина: “Белые оставили после себя опустошенный город. Ветер наваливал около водосточных труб кучи паленой бумаги и засаленных деникинских денег. Их просто выбрасывали. На них ничего нельзя было купить, даже одну маслину. Магазины закрылись. Сквозь окна было видно, как толпы рыжих крыс-пацюков судорожно обыскивали пыльные прилавки. Базарные площади – все эти Привозы, Толчки и Барахолки превратились в булыжные пустыни. Только кошки, шатаясь от голода, неуверенно перебежали через эти площади в поисках объедков. Но ни о каких объедках в то время в Одессе не могло быть и речи... Холод закрадывался в сердце от мысли, что в огромном и опустелом городе ничего нельзя достать кроме водопроводной воды с привкусом ржавчины” [6, 6]. Но и в голодное время Одесса отличалась от других городов, умением выживать. Море давало жителям едва ли

не единственную пищу – мелкую рыбу – фирину, котлеты из которой "можно было есть только в состоянии отчаяния или, как говорили одесситы, "с гарниром из слез"" [9, 685].

Однако и в этих невероятно суровых условиях Паустовский любил Одессу и находил радость в том, что просто гулял по ее улицам и переулкам. Среди многих так называемых "паустовских" мест Одессы особое место занимает Черноморская улица, где он жил в 1920 году в санатории доктора Ландесмана.

Паустовский полюбил эту маленькую окраинную улицу и был уверен, что она самая живописная в мире. Путь из центра города, где он работал, на Черноморскую улицу был для него своего рода "лекарством от невзгод". Писатель часто испытывал это на себе, когда возвращался в полном унынии из-за какой-нибудь неудачи. Стоило ему войти в "безлюдные переулки, окружавшие Черноморскую, – в Обсерваторный, Стурдзовский или Батарейный, – услышать шелест старых акаций, увидеть темный плющ на оградах, освещенных золотеющим солнцем зимы, почувствовать веяние моря на своем лице, и тотчас возвращалось спокойствие и душевная легкость". Черноморская улица была для писателя в эти трудные времена своеобразным "островом спасения". "С Черноморской улицы открывалось море – великолепное во всякую погоду. Слева внизу были хорошо видны Ланжерон и Карантинная гавань, откуда уходил, изгибаясь, в море обкатанный штормами старый мол. Справа крутые рыжие берега, поросшие лебедой и пыльной марью, шли к Аркадии и Фонтанам, к туманным пляжам, где море часто выбрасывало сорванные с якорей плавучие мины" [6, 8].

Именно в Одессе Паустовского "сильно захватило желание рассматривать жизнь, словно сквозь увеличительное стекло", которое он называл "жаждой рассматривания" [6, 57; 9, 687].

Разглядывание жизни вблизи, "как сквозь лупу", позволяло ему замечать "каждый цветок, тянувшийся из-под заржавленных рельсов заброшенного трамвая, каждую трепещущую бабочку, сушившую свои крылья в теплых струях морского воздуха. Этот воздух поднимался равномерными и сильными вздохами из-под крутых рыжих обрывов, подымался от пляжей, заваленных после войны обломками пароходов и дубков" [6, 35]. Всего в Одессе того времени Паустовский насчитывает пять пляжей, на которых, по его мнению, "надо провести по пять дней, чтобы изучить их посетителей" [4, 257].

Паустовский очень любил бывать на Австрийском пляже, "уютном, теплом и пустынном", который был, "как бы созданным для чтения тех книг, какие нужно читать медленно, часто откладывая их, чтобы порыться в песке и, невзначай, найти осколок горного хрусталя" [6, 56].

В Одессе складывается неповторимый стиль Паустовского как писателя, который можно определить как "литературный импрессионизм".

Подобно художникам импрессионистам, Паустовский не устает живописать любимые уголки Одессы, во многих своих книгах. Целых три главы посвящены любимому городу в повести "Черное море" [15, 29–32, 97–109]. Фактически по

матеріалам воспоминаний об Одессе начала 20-х годов написана “Золотая роза” [7, 252–257, 345–352, 360–364]. Описание Дерibasовской, Аркадии и приморских переулков находим в книге “Начало неведомого века” [9, 687–703].

Примером зоркого наблюдения и ощущения города всеми органами чувств может служить описание Приморского бульвара: “Там пышно пылала, зацепившись за старые колонны, настурция и всегда веял – именно веял, а не дул – портовый ветер, солоноватый и свежий. Он наполнял приморские улицы запахом только что вымытых палуб... Я различал в нем не только запах палуб, но и акаций, и высохших водорослей, и ромашки, и, наконец, дегтя и ржавчины” [6, 98].

Остро чувствуя особую атмосферу южного города, его воздух, запахи, звуки, в то же время, Паустовский восхищался архитектурным обликом Одессы, созданным талантливыми архитекторами разных стран и в разных стилях. Может быть, именно эклектика в архитектуре зданий, оставшихся со времен Дерибаса и Ришелье, по мнению Паустовского, “придавала Одессе благородные черты Генуи, Флоренции и даже, как утверждали некоторые одесситы, самого Парижа” [6, 13].

Географические аналогии всегда были присущи Паустовскому. Особенно после его путешествий по Европе. Итальянские впечатления позволяли ему сравнивать руины в дачном районе Аркадия с руинами римских вилл – Боргезе, Альдобрандини или Конти. Хотя одесским руинам и было всего каких нибудь два года, но в глазах писателя “воздух древности уже завладел ими. Он сообщил окраске пустынной Аркадии пыльный налет Пергама и Эллады” [6, 28].

Напомним, что такой писатель видел Одессу в тяжелое время гражданской войны. Ему казалось, что Одесса опустела. Из множества промышленных предприятий остались джутовая фабрика, консервные фабрики и судоремонтные мастерские. Как и в мирное время, “над городом властвовал порт с его люмпенами – грузчиками, босяками и жлобами. А на обширных городских окраинах засел упорный и изворотливый одесский обыватель. Но и порт зарастал сорной травой. Жизнь явно замирала, и только бешеная спекуляция пылала пышным и ядовитым пламенем” [6, 34].

Паустовский неоднократно подчеркивает авантюрный, торгашеский характер большинства населения: “Даже в эти суровые дни плутовство процветало в Одессе. Оно заражало и самых бесхарактерных людей. Они тоже начинали верить в древний закон барахолки: если хочешь кушать, то сумей загнать на толчке рукава от жилетки”. Это было время, когда “маленький кусок черствого кукурузного хлеба и десяток абрикосов считали вполне достаточной пищей на день” [6, 10, 36].

С приходом в город большевиков появилась надежда на работу и избавление от призрака голода. Весна давала новые возможности для пропитания – ловлю рыбы – бычков и султанки, а также огороды, где росли “красненькие” и “синенькие” (так в Одессе называли помидоры и баклажаны).

Не смотря на то, что в материальном плане жизнь в Одессе налаживалась, Паустовский отмечал, что положение молодой еще советской власти было грозным и напряженным. После бегства белых из Одессы на окраинах города и в немецких

колониях “во всех этих Либенталях, Люстдорфах и Мариенталях, застряло около семидесяти тысяч деникинских солдат и офицеров”, которые надеялись поднять восстание с помощью иностранных войск. “Кроме того, в предместьях – на Молдаванке, Бугаевке, в Слободке-Романовке, на Дальних и Ближних мельницах – жило, по скромным подсчетам, около двух тысяч бандитов, налетчиков, воров, наводчиков, фальшивомонетчиков, скупщиков краденного и просто темного люда” [6, 38]. Скорей всего, Паустовский не преувеличивал. Эта криминальная и полукриминальная среда окраин города тоже была частью его многоликого образа. Она породила прототипов персонажей широко известных произведений Бабея, Ильфа и Петрова.

Кроме того, Паустовский видел “большой разрыв между сознанием людей, пришедших с севера и живших уже в третьем году революции, и сознанием одесситов, живших в революции только первые месяцы. В Одессу революция принесла новых людей, воспитанных революционной бурей и чуждых практическому опыту обывателя–одессита”. “Появились решительные и неумолимые люди (их всех одесситы без разбора звали “комиссарами”), точно знавшие, что нужно для победы революционного сознания среди чрезмерно экспансивного и склонного к анархическим поступкам населения Одессы” [6, 32]. Для Паустовского было очевидным, что революция в Одессу пришла извне, как нечто чужеродное и на первых порах непонятное.

Особый колорит Одессе того времени придавали газеты и журналы. Паустовский застал нескольких одесских репортеров, последних “королей сенсации”. Их рассадником и надежным убежищем была газета “Одесская почта”, главным содержанием которой было подробнейшее описание всех пожаров, краж, убийств, мошенничеств и тому подобных уголовных преступлений. По определению Паустовского, стиль статей в этой газете был “феерический”.

Как отмечал Паустовский, “в Одессе можно было сделать любую сенсацию. Написать, например, что “на рабочей окраине Пересыпи лопнул меридиан, и катастрофа для города была предупреждена только благодаря героическим усилиям пожарных команд”. В Москве или в Петрограде такой номер никогда бы не прошел” [6, 11].

Паустовский в это время работал в газете “Моряк”, ставшей колыбелью многих литературных знаменитостей. По образному сравнению Н. Брыгина, именно “Моряк” был избран молодым писателем в качестве стержня, на который он мог нанизывать и революционные, и боевые, и бытовые, и экзотические штрихи и подробности одесской действительности двадцатых годов” [1, 39–40].

По свидетельству Паустовского, “все в газете было шестьдесят сотрудников – журналистов, капитанов, писателей, масленщиков, корабельных инженеров, лоцманов, матросов гальюнщиков и поэтов” [15, 100]. Его работа в должности секретаря редакции заключалась в редактировании и правке заметок этих разношерстных репортеров, “чтобы убрать из них неистребимый одесско-молдаванский стиль”.

Примером типичного одесского репортера, фанатично влюбленного в свой город, может служить репортер Ловенгард, о котором Паустовский вспоминает во многих своих произведениях. Главной страстью этого сотрудника “Моряка” был Одесский порт. “С утра до заката в любое время года, в любую погоду он медленно обходил все гавани, подымался на пароходы и опрашивал моряков обо всех подробностях рейса. Он в совершенстве говорил на нескольких языках, даже на новогреческом. С одинаковой изысканной вежливостью он беседовал с капитаном и портовыми босяками. В порту его прозвали “Летописцем”” [6, 182]. Такие люди, как Ловенгард, в глазах начинающего писателя, определяли лицо портового города, по крайней мере, его лучшей части.

Именно во время работы в “Моряке” завязывается дружба Паустовского с молодыми писателями И. Бабелем, С. Гехтом, В. Катаевым, Э. Багрицким, И. Ильфом, Л. Славиним, Б. Шенгели, которые со временем принесли славу Одессе. Задаваясь вопросом, почему именно в Одессе, а не в Киеве или Саратове появилось столько талантов, размышляя по этому поводу, Паустовский приводит мнение И. Бабеля на этот счет. “У нас в Одессе будут свои Мопассаны. Потому что у нас много моря, много солнца, красивых женщин и много пищи для размышлений. Мопассанов я вам гарантирую” [6, 116].

Появление именно в Одессе целой плеяды талантливых писателей сам Паустовский также связывает с близостью моря: “Черное море выбросило этих писателей, как дарит берегам самые разнообразные вещи – от поющих раковин до сорванных с якорей плавучих мин, разносящих в пыль прибрежные скалы” [16, 101]. “Кто знает, – писал он позже, – если бы они не были пропитаны с детства морем, солнцем, причудливым бытом юга и южным весельем, то, может быть, из них никогда не вышли бы писатели” [8, 424].

О работе в “Моряке” писатель всегда вспоминал с радостью: “Веселье было собрано в пестрый клубок наших разговоров, шуток и мистификаций. Тогда уже в Одессе мистификации назывались “розыгрышами”. Потом это слово быстро распространилось по всей стране” [6, 118].

Начинающий писатель жадно впитывал особый одесский язык, созданный за столетие интернациональным населением, его своеобразные обороты речи, термины, образы, которые также являлись неотъемлемой частью любимого города. Позже он часто использовал во многих своих произведениях “перлы одесского стиля”, оговаривая, “так говорили в Одессе”.

Частью специфического одесского фольклора были клятвы, которые жители употребляли в речи по всякому поводу. “Мода на клятвы, – писал Паустовский, – часто менялась. Она зависела от многих вещей: от положения на фронте гражданской войны, от стоянки или отсутствия в Константинополе английского дредноута “Сюперб”... Самой модной была клятва: “Чтоб мне не дойти туда, куда я иду”” [6, 9]. Жизнерадостная, всегда праздничная Одесса породила также огромное количество песен, о которых будет сказано далее.

Читая Паустовского, нельзя не отметить резкие перемены в его восприятии города не только в разных политических ситуациях, но и в разные времена года. Конечно, весна и лето в Одессе были самыми благодатными. Как истинный художник, Паустовский тонко описывает изменения цветовой, световой гаммы в облике города, погружает нас в яркие детали, которые присущи только Одессе. Но больше всего Паустовский любил в Одессе осень.

Осень 1922 года, вторую осень в своей одесской жизни, писатель назвал “одной из самых лучезарных”. Точное описание своего ощущения одесской осени писатель нашел в стихах одесской поэтессы Веры Инбер: “Осенний воздух тонок и опасен. / Иной напев, иной порядок дней. / И милый город осенью прекрасен, / И шум его нежней”.

Воздух был, по мнению Паустовского, действительно опасен. Но не потому, что от него можно было простудиться, а потому, что, “вдохнув его, уже нельзя было избавиться от желания, чтобы такая осень, не иссякая, стояла над Одессой с ее мягким уличным говором и смехом”.

Особенно изысканно Паустовский описывает одесский ветер и составляющие его запахи: “Он задувал с открытого моря. Он прилетал со стороны Большефонтанского маяка, пробегал, крадучись, через степные бахчи, наполнял сладким ароматом вянущей ботвы, потом с трудом просачивался через пышные заросли Французского бульвара и пробирался вдоль пригородных берегов, где на крышах рыбацких лачуг сушились дынные корки и созревали помидоры” [6, 173–174]. В образе одесской осени немаловажную часть составляли дары степей и моря: “Черноморская осень в степях великолепна. В Одессе есть, кроме скумбрии и помидор, еще и брынза. Утренний чай с брынзой, когда воздух еще холодноватый от морской ночи, – это уже – счастье” [11, 287].

Совершенно иное ощущение города у Паустовского зимой. Вспоминая о зиме 1921 г., он употребляет эпитеты, применимые только к одесской зиме: “Зима выдалась в Одессе нордовая, штормовая. Холод ощущался тяжелее, чем, скажем в Москве, потому что ноздреватый камень “дикарь”, из которого был построен почти весь город, легко пропускал пронзительную сырость морской зимы. Дома и мостовые покрывались пленкой льда и блестели как эмалированные. Ветер гудел в улицах и нагонял тоску” [6, 79].

Через год зима снова погружает писателя в состояние грусти и безысходности. Даже язык его становится до предела лаконичным, не теряя своей образности. “Город быстро заледенел, и каждое утро его посыпало твердой снежной крупой. Порт замер. За маяком стоял во льду болгарский пароход “Варна”, доставивший в Одессу груз маслин. Маслины тоже замерзли. У меня появилось ясное ощущение, что жизнь в Одессе исчерпана” [5, 180]. Эта безысходность побуждает Паустовского покинуть любимый город.

Напоследок Одесса показала ему удивительное зрелище, вряд ли возможное в другом городе. Для Паустовского похороны знаменитого Сашки-музыканта, великолепно описанного Куприным в “Гамбринусе”, стали событием,

потрясшим его до глубины души. Читая подробный рассказ Паустовского о похоронной процессии, мы в буквальном смысле можем увидеть колоритных одесских персонажей из простой рабочей среды, которые и в горе неповторимы. "Похороны были для них единственным местом, где можно поговорить не о ценах на подсолнечное масло и керосин, а о тщете существования и семейных бедах, – поговорить, как выражаются в Одессе "за жизнь"" [13, 85].

Своеобразным прощальным аккордом звучит описание панорамы города, когда зимой 1922 года Паустовский на пароходе покидает Одессу: "Амфитеатр города, купол Оперного театра, дворец Воронцова, потом Фонтаны и знакомая башня Ковалевского – все это, покачиваясь, медленно уходило во мглу и вскоре совсем исчезло" [6, 183].

При всем многообразии и противоречивости облика Одессы двадцатых годов, созданном писателем во многих произведениях, ему всегда казалось, что ощущение счастья даже в голодной Одессе не оставляло его. Позже он признается, что "память зачастую оставляет нам субъективный облик времени, тогда как мы думаем, что он объективен и точен. Так, например, вся жизнь в Одессе в конце 1920 и в 1921 годах сохранилась в моей памяти как некий сравнительно мирный отрезок времени среди гремящих и ошеломляющих событий" [6, 30].

Послереволюционная Одесса периода НЭПа снова радует Паустовского. В письме к жене в июле 1927 года он пишет: "Одесса стала очень хороша, – напоминает 1916 год. Новость – обочины улиц засеяны цветами. В городе много музыки, огней и открылись несколько казино, где играют сотни одесситов" [11, 78]. Снова писатель погружается в неповторимую одесскую жизнь, смакуя каждую деталь: "Те, кто не был в Одессе, могут представить эти греческие дворы с чужих слов, но никогда не поймут, в чем их прелесть. Надо увидеть такой двор или пожить в нем хоть несколько дней, чтобы это понять. На террасах жарят на керосинках скумбрию или камбалу, готовят икру из "синеньких", купают детей, ссорятся всем домом, слушают патефоны, а ночью даже спят "в холодке"" [7, 350].

Особое внимание Паустовский уделяет одесским базарам, в частности, "новому базару", прибежищу мешочников, старых генеральш и карманных воров. "На каком языке описать то по существу неопишное одесское торжище, которое в двадцатых годах нашего века носило название "Новый базар? Как рассказать о вчерашних сыпнотифозниках, толпившихся около раскаленных сковородок, где скручивались, потрескивая и жарясь в собственном жиру, куски домашней украинской колбасы с чесноком – первого детища НЭПа? Как передать множество клятв, завываний, возгласов, жалоб, истерик, проклятий и ругани, смешанных в слитный гул, внезапно прерываемый пронзительным свистом милиционера? И как описать тяжеловесное бегство спекулянтов, обвешанных вещами, по сотрясаемой их топотом брусчатой мостовой?" [5, 108].

Паустовский признался, что до одесского базара он никогда не видел такого скопления в одном месте человеческой скверны и злобы. И это было для него тем удивительнее и тяжелее, что "рядом сверкало теплое море, шумел нарядный

город, цвели акації, сонечний світ золотил здання. На улицах было много смеющихся людей, пахло цветами, и низко горели в морских далях чистые звезды, похожие на огни бакенов” [6, 111].

В это время Паустовский подружился с Э. Багрицким. Они вместе рыбачили, загорали и разговаривали о литературе. В уже сложившийся облик Одессы Багрицкий внес свой штрих – он спел Паустовскому песенку старых евреев с Молдаванки, которую тот записал, так как она была “ужасно смешная” [11, 68–69]. Мода на песенки, как и на клятвы, в Одессе менялась часто. Не только в каждом году, но иной раз, и в каждом месяце были свои любимые песенки. Их пел весь город. Почти все местные песенки были написаны неизвестными одесситами. Даже всеведущие жители города не могли припомнить, к примеру, кто написал песенку “Здравствуй, моя Любка, здравствуй, дорогая”. По мнению Паустовского, “если знать все эти песенки, то можно довольно точно восстановить хронологию одесских событий, вплоть до начала Великой отечественной войны” [6, 86–87].

В начале войны, в июле 1941 года Паустовский приехал в Одессу с фронта из Тирасполя на военном грузовике. Перед ним предстал совершенно иной город, чем он привык видеть. В первые дни войны одесские жители закрасили свои южные белые дома густо разведенной сажей. Считалось, что черные дома не так заметны с воздуха, как белые. Но после первого же дождя дома облезли и покрылись потеками грязи.

Он шел по Пушкинской улице и не узнавал давно знакомый и милый образ: “Будто я видел город одновременно и наяву и во сне”. Ему казалось, что “война принесла с собой “новый воздух”, жесткий, пустой, похожий на жидкий нитроглицерин. Запах его напоминал гарь, смешенную с пронзительным лекарством”. “Должно быть, от этого чуждого воздуха, от вымерших улиц и дождевой сырости я чувствовал совершенное одиночество, будто приехал в обезлюдивший город” [7, 346].

Наблюдательный взор писателя замечает детали, пронзительно характеризующие образ Одессы военной: “Около оперного театра лежала вырванная с корнями акация. Корни ее застряли на втором этаже, зацепившись за решетку балкона. Около подъезда стояла карета скорой помощи. С подоконника на втором этаже медленно капала на тротуар очень яркая кровь” [7, 351–352]. Натуралистические штрихи в портрете военной Одессы не мешают Паустовскому описывать состояние города с акварельной легкостью: “В те годы притихшая пустынная Одесса была погружена в прозрачный воздух и тишину. Бездымные дни проплывали над морем и городом торжественно и спокойно. Полынь росла на трамвайных рельсах и на руинах богатых дач в Аркадии и Ланжероне. Вся жизнь Одессы, даже чистый воздух и пустынный порт, где старики удили рыбу, напоминали о блокаде” [15, 103].

Паустовский решил поселиться в самой известной в городе гостинице “Лондонской”, чьи стены видели многих знаменитых людей. Теперь, в годы войны, гостиница была пуста. Но здесь судьба подарила Паустовскому встречу с Ю. Олешей, который, по его словам, был “чистый одессит”. Паустовский

вспоминал, что как только Олеша начинал говорить, “жизнь снова становилась интересной и как бы сияющей”. Эта встреча меняет настроение и впечатление Паустовского о военной Одессе. В ответ на его замечание о том, что одесситы в годы войны потеряли традиционную живость, Олеша решительно заявил: “Одесситы не сдаются и не умирают. Их остроумие, их пресловутые “хохмы” замешаны на бесстрашии. Их храбрость расцветает от острых слов” [7, 349].

Вскоре Паустовский сам убедился, что тяжелейшие испытания не сломили вольнолюбивый дух жителей города: “Во время Отечественной войны шумные и легкомысленные одесситы, любители песенок, те, кого еще недавно называли “жлобами”, спокойно и сурово, но с неизменными одесскими шуточками дрались за свой город с такой отвагой, самоотверженностью, что это поразило даже врагов” [6, 87].

Последние приезды писателя в Одессу можно назвать ретроспективными. Они связаны с его работой над книгой “Время больших ожиданий”.

Хотя мечта Паустовского стать моряком дальнего плавания не осуществилась, Одесса стала для него своеобразными воротами в мир. В 1956 году он отправляется из Одессы в путешествие на теплоходе “Победа” по странам Западной Европы. Но и там воспоминания о любимом городе не оставляют писателя. Он невольно сравнивает новые города, увиденные в поездке, с Одессой. Например, описание Марселя он ограничивает таким сравнением: “Представьте себе увеличенную в несколько раз Одессу, к тому же во сто крат более шумную, блестящую, разноязычную и анекдотическую – это и будет Марсель” [8, 511].

Последний раз Паустовский побывал в Одессе в сентябре 1960 года. В литературном музее Одессы хранится одна из последних рукописей Паустовского об Одессе – “Новогодний привет” 1965 года. В ней отразилась вся любовь, вся теплота в отношении города своей мечты: “Я благодарен Одессе за многое, – за ее жизнерадостность и веселье, даже в самых трудных обстоятельствах, за кипучесть ее жителей, за их мужество, доказанное последней войной, за их ребяческое любопытство и простодушие и за их впечатлительность. Одесса прекрасна. Каждый, кто ее покинул, испытывает тоску по ее акациям, ее говору, ее великолепному морю – родному и потому лучшему из всех морей. Я покинул Одессу давным-давно, но нет и дня, когда бы я ее не вспоминал, и почти нет ни одной моей повести, где бы ни чувствовалось дыхание этого удивительного города” [3, 185–184].

В заключение можно сделать **вывод** о том, что Паустовский в своем творчестве создал очень точный художественный образ Одессы. Этот образ удивительно многогранен.

Прежде всего, Одесса – это море и все, что с ним связано – порт и пляжи.

Одесса – это южный город с великолепной архитектурой центра города и очарованием окраинных улиц и переулков.

Образ Одессы – это коллективный многоликий портрет ее жителей: от рафинированных интеллигентов и талантливых литераторов, до рабочих, моряков, торговцев и авантюристов.

Образ Одессы – это особый одесский язык, фольклор: анекдоты, песни, клятвы, “хохмы” и “розыгрыши”.

Образ Одессы – это особая одесская аура, состоящая из букета морских и степных запахов и звуков, яркой палитры южных цветов и деревьев, уникальной одесской кухни и много другого, что делает Одессу всегда узнаваемой и неповторимой.

Литература

1. Брыгин Н. Время веры и больших надежд (некоторые даты к биографии К. Г. Паустовского) / Н. Брыгин. – Одесса : Астропринт, 2007. – 56 с.
2. Кузнецова С. К. Книга о себе / С. К. Кузнецова // Юг. – 1998. – 28.04, 5, 6, 13, 15, 20, 22.05.
3. Липтуга Т. И. Константин Паустовский и Одесса / Т. И. Липтуга // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения : науч. сб. – М. : Моск. лит. музей-центр. К. Г. Паустовского, 1996. – Вып. 1. – 232 с.
4. Паустовский К. Г. Блистающие облака / К. Г. Паустовский // Собр. соч. в 9 т. – М. : ГИХЛ, 1981. – Т. 1. – С. 204–386.
5. Паустовский К. Г. Ветер скорости / К. Г. Паустовский // Там же. – 1983. – Т. 7. – С. 119–148.
6. Паустовский К. Г. Время больших ожиданий / К. Г. Паустовский // Там же. – 1982. – Т. 5. – С. 7–212.
7. Паустовский К. Г. Золотая роза / К. Г. Паустовский // Там же. – 1982. – Т. 3. – С. 164–382.
8. Паустовский К. Г. Книга скитаний / К. Г. Паустовский // Там же. – 1983. – Т. 5. – С. 397–568.
9. Паустовский К. Г. Начало неведомого века / К. Г. Паустовский // Там же. – 1982. – Т. 4. – С. 510–704.
10. Паустовский К. Г. Несколько отрывочных мыслей / К. Г. Паустовский // Там же. – 1981. – Т. 1. – С. 38–50.
11. Паустовский К. Г. Письма / К. Г. Паустовский // Там же. – 1981. – Т. 1.
12. Паустовский К. Г. Повесть о жизни / К. Г. Паустовский // Там же. – 1984. – Т. 4. – С. 269–508.
13. Паустовский К. Г. Поток жизни / К. Г. Паустовский // Там же. – 1983. – Т. 7. – С. 470–493.
14. Паустовский К. Г. Рождение книги / К. Г. Паустовский // Там же. – 1984. – Т. 4. – С. 288–291.
15. Паустовский К. Г. Черное море / К. Г. Паустовский // Там же. – 1981. – Т. 2. – С. 6–170.

Аннотация

В статье показан одесский городской текст Паустовского в контексте одесской биографии писателя.

Ключевые слова: городской текст, художественный образ города, паустовские места, литературный импрессионизм, аура города.

Анотація

У статті показано одеський міський текст Паустовського в контексті одеської біографії письменника.

Ключові слова: міський текст, художній образ міста, паустовські місця, літературний імпресіонізм, аура міста.

Summary

Paustovskiy's Odessa city text in a context of the Odessa's biography of the writer is shown in the article.

Keywords: the city text, an artistic image of city, Paustovskiy's places, literary impressionism, aura of city.